

ЛІТЕРАТУРА

1. Галич О. Теорія літератури. Підручн./ О.Галич, В.Назарець, С.Васильєв. – Теорія літератури. – К.: Либідь, 2008. – 488 с.
2. Тимошенко Т.М. Проза «рассерженных» в контексте английской литературы середины 20 столетия / Иностранная филология на межтысячоліть. Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна / Відп. ред. І.С.Шевченко № 471.- С.280-287.
3. Филлошкина С.Н. Эволюция форм повествования в английском реалистическом романе / Вопросы поэтики литературы и фольклора / ред.. В.А.Муконина. – Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1977. – С.92-103
4. Braine J. Room at the Top. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. – 272 p.

УДК 821.161.1

Трунин С.Е.
(Минск, Беларусь)

ПУБЛИЦИСТИКА А.П. ЧЕХОВА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ КОНТЕКСТЕ (роман Д. Галковского «Бесконечный тупик»)

У статті розглядається публіцистика А.П. Чехова, яка стала об'єктом постмодерної культурфілософської рецепції в романі Д. Галковського «Бесконечна безвихідь». Листування, щоденники та нотатки класика є матеріалом для його десакарлізації, яку здійснює письменник-постмодерніст.

Ключові слова: постмодернізм, деконструкція, десакарлізація, культурфілософська рецепція.

В статье рассматривается публицистика А.П. Чехова, ставшая объектом постмодернистской культурфилософской рецепции в романе Д. Галковского «Бесконечный тупик». Переписка, дневники и заметки классика являются материалом для его десакарлизации, осуществляемой писателем-постмодернистом.

Ключевые слова: постмодернизм, деконструкция, десакарлизация, культурфилософская рецепция.

The article deals with the A.P. Chekhov's publicistics which has become object of postmodernist culture-philosophical reception in the novel of D. Galkovsky's «Endless Deadlock». Correspondence, diaries and notes of the classic are a material for its desacralization which is carried out by the postmodernist writer.

Key words: postmodernism, deconstruction, desacralization, culture-philosophical reception.

Д. Галковский в своем романе часто цитирует переписку и дневники А.П. Чехова, однако, в отличие от цитирования публицистики других писателей, автор словно избегает комментирования. Примечания содержат объемные цитаты на ту или иную тему, часто остающиеся без авторских замечаний. Собрав воедино эти Примечания, попытаемся

© Трунин С.Е., 2012

реконструировать относительно целостную картину рецептивного освоения писателем-постмодернистом публицистического наследия Чехова. В отличие от рецептивного освоения публицистики других классиков, переписка и заметки Чехова стали для писателя-философа достаточным основанием к его десакрализации, последовательно осуществляемой в «Бесконечном тупике». Однако нельзя сказать, что она тотальна: наоборот, автор стремится сохранить максимальную объективность в своих оценках классика.

Диапазон тем и проблем, рассматриваемых Галковским в контексте публицистики Чехова, также достаточно широк. Думается, анализируемые аспекты нужны писателю-философу скорее для понимания характера и мировоззрения классика, нежели для восполнения пробелов в историко-литературном контексте, хотя и это осуществляется автором. Многоаспектный деконструктивистский анализ позволяет Галковскому рассматривать одно и то же явление, факт сразу на нескольких уровнях. В любом анализируемом событии ему удается выявить внутреннюю логику. Так, например, абсолютно парадоксальная с точки зрения здравой логики поездка Чехова на Сахалин рассматривается в Примечаниях №98, №159, №902, а в Примечании №696 дано толкование мотивов этой странной поездки: «Да разгадка сахалинской поездки на $\frac{3}{4}$ ясна. Это реабилитация в глазах либерального общественного мнения, рассчитанный шахматный ход, ловкая рокировка. В результате Чехова еще терпели» [1 (2: 784)]. По мнению Галковского, классика, которого не любили в литературных кругах, хотелось получить признание, по праву им заслуженное. Поездка на Сахалин стала демонстрацией стойкой жизненной позиции, пусть и понятной только самому Чехову.

Кроме того, в романе цитируются фрагменты писем, в которых Чехов высказывает свое отношение к либералам (Примечания №304, №633), к русскому человеку (Примечания №292, №397), к интеллигентской среде (Примечания №770, №831), к своим редакторам — Лейкину, Григоровичу, Суворину (Примечания №696, №709, №831, №840) и другим современникам, например, Михайловскому (Примечание №672).

В процессе десакрализации образа русского классика Галковский неоднократно прибегает к иронии. Уровень миропонимания молодого Чехова писатель иронично оценивает в Примечании №737. Рассматривая нереализованный замысел Чехова написать серьезный философский труд, писатель-философ резюмирует: «Чехов очень толково <...> выболтал суть интеллигентской мифологии. Дал максимально возможное выражение этого параноидального бреда» [1 (2: 830)]. Попытки классика стать философом кажутся Галковскому смешными. Однако же и сам Чехов обладал достаточной долей самокритики. В письме Я. Полонскому от 22 февраля 1888 г. он признавался: «Как ни стараюсь быть серьезным, но ничего у меня не выходит, и вечно у меня серьезное чередуется с пошлым. Должно быть, планида моя такая...» [2 (2: 206)]. Впрочем, этот отрывок Галковский оставляет без комментария, намекая таким образом, что десакрализацию собственного образа начал еще сам Чехов.

В Примечании №182 автор пишет о легкости Пушкина и Набокова (подразумевая художественные тексты). Включая же Чехова в этот контекст, он имеет в виду его публицистику: «Некоторые письма его [Чехова. — С.Т.] легки и смешны» [1 (1: 195)]. Складывается впечатление, что Чехов-публицист Галковскому намного интереснее Чехова-прозаика и Чехова-драматурга. В этом — способность писателя-постмодерниста найти в каждом классике что-то отличительное, особенное.

Еще одна тема, получившая широкий резонанс в «Бесконечном тупике», — это отношения Чехова с сестрой, женой О. Книппер и шире — отношение к женщинам в целом. Большое количество Примечаний (Примечания №126, №135, №148, №241, №296, №315, №347, №680) содержит цитаты из переписки классика с сестрой и женой. Галковский намекает на странность этих отношений (в особенности с О. Книппер), приводя целый ряд самых разнообразных подписей писем к жене и обращений к ней: «Милося моя; бабуся милая; философка, умственная женщина; Оля моя хорошая, крокодил души моей; жидовочка; актриска; милая моя собака <...>» [цит. по: 1 (2: 768)] и так далее. Таким образом, образ классика автоматически меняется в глазах читателя и писатель достигает своей цели — показать Чехова-человека с его странностями и слабостями. И в целом к женщинам классик относился иронически: в Примечании №148 цитируются выдержки из его дневников, в которых он зло шутит над дамами. Вот один из примеров (отзыв о жене инженера Сытенко): «<...> мадам приняла меня очень любезно, поиграла мне лицом. У нее на лице не хватает кожи, и поэтому чтобы открыть глаза, нужно закрыть рот, и чтобы открыть рот, надо закрыть глаза» [2 (8: 251)]. И это не единственный пример, приводимый Галковским. В Примечании №241 он отмечает: «Женщин Чехов не любил, но испытывал к ним влечение» [1 (1: 248)]. Этим, по мнению автора, объясняется отношение Чехова к жене, которая, в силу профессии (актриса), воплощала собой «средоточие всех женских пороков, так волнующих мужское воображение» [там же]. Но это не единственный вывод, к которому приходит писатель-постмодернист. В Примечании №135 он анализирует письма к Книппер в контексте драматургии классика и приходит к парадоксальному, на первый взгляд, заключению: «Подобное издевательство, конечно, можно объяснить глубоким, проходящим через всю жизнь пренебрежением к женщине. Но суть гораздо глубже. Разве не такой же глумливый оттенок носит поэтика чеховских произведений?» [1 (1: 149)]. Контекстуальный анализ позволяет писателю выявить общую тенденцию, объяснив таким образом как логику творчества классика, так и мотивы его некоторых поступков.

Не менее сложно складывались отношения Чехова с редакторами — Лейкиным, Григоровичем, Сувориным. В Примечании №709 Галковский открыто пишет о лицемерии Чехова, проводя параллели между письмами, обращенными к Н.А. Лейкину, первому редактору классика и письмами к брату, в которых Чехов высказывается о Лейкине достаточно нелицеприятно. В том же Примечании писатель-философ анализирует отношения классика с другим редактором — Григоровичем. И снова симпатия Галковского не на стороне Чехова, который заставил 67-летнего Григоровича волноваться о его приезде, даже не сообщив о своем намерении остаться дома. Согласно концепции Галковского, классик так поступал с Григоровичем именно потому, что был обязан ему: «Чехов поступил по-русски. Нет народа более неблагодарного, более мстительного и злобного по отношению ко всевозможным благодетелям. Чем больше благодетелей, тем больше ненависть русского ко товарищу начальнику» [1 (2: 796—797)]. В этом автору тоже видится «русскость» Чехова.

Отношения с Сувориным рассматриваются в нескольких Примечаниях. Галковский делает акцент на чеховском предательстве: «Тут сказался русский инстинкт предательства. Сухая логика интеллектуального предательства, столь свойственная Чехову» [1 (2: 786)]. Свою концепцию писатель основывает на переписке классика с Сувориным и в

ходе деконструктивистского анализа делает столь непопулярные для чеховедения выводы. В Примечании №840 симпатия автора явно на стороне Суворина: «Суворин, а не Чехов является примером образцового “интеллигента из народа”» [1 (2: 934)]. Однако же следует отметить, что Галковский осуществляет десакрализацию Чехова не ради самого факта, а с целью понять мотивировку его поступков, попытаться восстановить историческую справедливость. В Примечании № 831 предлагается следующая интерпретация: «Чем больше Чехов считал себя обязанным Суворину, тем больше он его ненавидел. Ненавидел совершенно неосознанно» [1 (2: 921)]. Галковский удивительным образом сохраняет дистанцию и стремится к максимальной объективности в оценке фактов.

Еще одна тема, часто затрагиваемая на страницах романа, — это антисемитизм. Письма Чехова дают автору богатый материал для анализа. Свои выписки из чеховских писем писатель-философ предваряет замечанием: «Чехов был антисемитом. В самом элементарном, бытовом смысле этого слова. Через всю его переписку проходит тема пренебрежительного подшучивания или даже прямого высмеивания евреев» [1 (2: 819)]. Справедливости ради Галковский в том же Примечании отмечает следующий парадокс: «Одновременно Антон Павлович метал громы и молнии по поводу антисемитизма Суворина (который никогда себе подобных выходов* не позволял). Великий писатель земли русской встал горой за униженных и оскорбленных детей еврейских миллионеров. Но стоило какому-то “шмуле” наступить Чехову на мозоль, и тут же показное теоретическое юдофильство сменилось вполне конкретной юдофобией» [1 (2: 820)]. Примечательно, что антисемитизм Чехова наиболее ярко проявлялся, когда речь заходила о публикациях желтой прессы о нем или же критиках-евреях. Примечание №814 содержит выдержку из личного дневника классика за 1897 г.: «Такие писатели, как Н.С. Лесков <...> не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все — евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше ни меньше, как случайного инородца» [3 (17: 224)]. Понятно, что позиция Чехова в этом вопросе крайне близка Галковскому, который, однако, открыто не высказывает собственную точку зрения.

Свою позицию и в какой-то степени цель десакрализации Чехова автор «Бесконечно-го тупика» отчасти проясняет в Примечании №753. Он пишет о том, что в чеховедении сформировался определенный штамп восприятия классика, которого искусственно наделили статусом неприкосновенности. Чехов — это «знамя», что является в литературоведении бесспорной истиной. Безусловно, писателя-философа это не устраивает и поэтому он осуществляет десакрализацию, результатом которой является прояснение множества фактов биографии; проведенные Галковским параллели между художественным творчеством и личностью классика дают стереоскопическое восприятие как первого, так и второго.

Галковский многих классиков воспринимает как пророков. Пророческий дар он обнаруживает и у Чехова, автоматически вписывая его в контекст рассматриваемых авторов и дополняя также контекст самой литературы. В Примечании №681 цитируется письмо А.Н. Плещееву от 27 августа 1888 г.: «Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите! Узкость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сде-

лают свое дело» [2 (2: 316—317)]. Галковскому важно открыть в каждом классике и этот аспект. По сути, пророческим даром обладает только *настоящий* писатель — это подчеркивается писателем-философом, который и сам в «Бесконечном тупике» делает ряд пророческих замечаний.

Таким образом, применяемый по отношению к публицистике Чехова деконструктивистский анализ раскрывает новые стороны и грани таланта классика. Осуществляемая десакрализация крайне продуктивна, т.к. избавляет читателя от стереотипов в восприятии личности Чехова, а также позволяет по-новому интерпретировать его художественные произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галковский Д. Е. Бесконечный тупик : [в 2 кн.]. Изд. 3-е, исправленное и дополненное / Д. Е. Галковский. — М. : Изд-во Дмитрия Галковского, 2008.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : [в 30 т.]. Письма : [в 12 т.]. / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1974—1983.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : [в 30 т.]. Сочинения : [в 18 т.]. / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1974—1982.

УДК 821-311.1

*Янковски А.
(Кельце, Польша)*

КОММУНАЛКА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ В РОМАНЕ ФЕЛИКСА КАНДЕЛЯ «КОРИДОР»

Статтю присвячено аналізу написаного у 1967-1969 роках ще в СРСР і надрукованого у 1981 р. в Ізраїлі роману «Коридор» Фелікса Канделя - одного з найменш відомих представників російської еміграційної прози третьої хвилі. При розгляді твору автор статті концентрує свою увагу на долі мешканців московської комунальної квартири, яких письменник змальовує на тлі змін, що відбувалися у країні протягом 30-ти років.

Ключові слова: Фелікс Кандель, третя хвиля еміграції з Росії, російська еміграційна проза, комуналка.

Предметом аналізу в настоящей статье является написанный еще в СССР в 1967-1969 гг. и опубликованный в 1981 г. в Израиле роман «Коридор» Феликса Канделя – одного из менее известных представителей русской эмигрантской прозы третьей волны. В анализе произведения автор статьи концентрирует свое внимание на судьбах жителей московской коммунальной квартиры, показанных им на 30-летнем фоне меняющегося свой облик исторического времени.

Ключевые слова: Феликс Кандель, третья волна русской эмиграции, русская эмигрантская проза, коммуналка.

© Янковски А., 2012